

АЛЕКС
ДЖУН

НУЛЕВЫЕ

Алекс Джун

НУЛЕВЫЕ

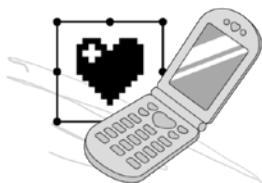
ПЛЕЙЛИСТ

1. «Дисотека Авария» — «Если хочешь остаться»
2. «Звери» — «Для тебя»
3. Децл — «Письмо»
4. Eminem — «Hailie's Song»
5. Evanescence — «Bring Me to Life»
6. Britney Spears — «Oops!.. I Did It Again»
7. *NSYNC — «Bye Bye Bye»
8. Green Day — «Wake Me Up When September Ends»
9. LINKIN PARK — «Numb»
10. ГлюкоЗа — «Снег идет»
11. Limp Bizkit — «Behind Blue Eyes»
12. Gorillaz — «Tomorrow Comes Today»
13. Avril Lavigne — «I'm with You»
14. P!nk — «Just Like a Pill»
15. No Doubt — «Don't Speak»

*Посвящаю эту книгу моей сестре Маше,
чью внутреннюю силу и упрямство
я воплотила в главной героине.
А также моим родителям,
учителям и одноклассникам.
Спасибо, что были рядом со мной в нулевые!*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В НУЛЕВЫХ Я УЧИЛАСЬ в старших классах, это было яркое, сумасшедшее время. Мы называли деньги филками, танцевали под Бритни и Агилеру, записывали на диски любимые песни, чтобы потом подарить тем, кто нам нравится. Влюблялись в Ди Каприо, Киану Ривза и Орландо Блума, а после школы смотрели бразильские и аргентинские сериалы. Носили низкие джинсы и топики, мазали веки блестками, а губы блеском, к которому в ветреный день липли волосы. Мы разбирались в компьютерах лучше, чем наши родители, а потому сидели по ночам в чате «Кроватька» и до сих пор помним характерный инопланетный писк, с которым старенький модем подключался к сети. Наши первые телефоны были кнопочными, мы умели печатать эсэмэски с закрытыми глазами и передавали информацию по ИК-порту. Покупали у бабушек семечки стаканами, а сигареты — поштучно. Мы любили и стремились к свободе, а главное, верили, что сможем абсолютно все, особенно когда поняли, что конец

света, обещанный с наступлением миллениума, так и не случился.

Если вдруг, пока вы читаете эту книгу, вам в голову закрадется мысль о том, что я преувеличиваю и что ничего подобного в реальности быть не могло, то смело гоните ее. Работая над историей, я перетрясла не только свою память, но и воспоминания друзей, знакомых и одноклассников. И создала вот такой портал в прошлое. Добро пожаловать в путешествие по нулевым, дорогие читатели! Можете не пристегиваться, в то время мы были глупы и презирали подобные меры безопасности.

— Видишь суслика?

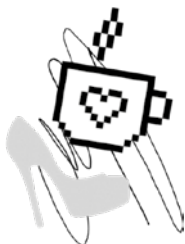
— Нет.

— Вот и я не вижу. А он есть.

*(«ДМБ», российская кинокомедия
Романа Качанова, 2000)*

ГЛАВА 1

ОН ЦЕЛОВАЛ ЕЕ так страстно, что казалось: еще чуть-чуть — и от ее губ ничего не останется. Бретелька платья красиво соскользнула с ее загорелого плеча: не вульгарно, а именно так, как было нужно, — гипнотически соблазнительно. Она запустила пальцы в темные кудри мужчины, переливающиеся под ярким солнцем, и стиснула их с такой силой, будто боялась, что любовник может внезапно взбрыкнуть и диким жеребцом умчаться вдаль. Песок прилипал к их телам, но это никого не смущало.

Маша закусила губу, предвкушая самое интересное, но в коридоре набатным колоколом раздались шлепанье старых тапочек.

Отец проснулся. Он прошаркал в гостиную и молча плюхнулся в кресло, не сводя с Маши недовольного взгляда. Воздух в комнате сразу заметно потяжелел, виной тому была табачная вонь — неизменный парфюмерный шлейф ее отца. Иногда к этому букету добавлялся запах вездесущего одеколona «Доллар», который на каждый Новый год

ему дарила начальница Елена Павловна. Маша уже всерьез подозревала, что странная тетка в начале девяностых грабанула какой-нибудь склад с туалетной водой и теперь вся ее комната снизу доверху заставлена зелеными коробочками с портретиками Франклина. С тех пор вот и дарит этот убийственный парфюм всем мужикам на работе. Вообще аромат у «Доллара» был совершенно нестойким и выветривался буквально через два часа, но отец настолько щедро заливал его себе за шиворот, что запах мог сбить с ног неподготовленного человека. Хотя Маша давно привыкла к аромату, а потому лишь слегка поморщилась.

Наконец отец прервал молчание и принялся, как обычно, комментировать ее сериал:

— Что это за имя такое — Валдомиру? А Аугусту Иван? У него что, папа русский, а мать иностранка?

Маша не отвечала. Давно знала, что это бесполезно. Что бы она ни сказала, отец все равно разыграет любимый сценарий: раскритикует передачу, которую она смотрит, потом завладеет пультом и переключит канал на «Поле чудес» или, что еще хуже, на «Необъяснимо, но факт».

— Здравствуйте, унылая тетя-лошадь Инес! Вы все так же не помните ни тяти, ни мамы! Сотую серию подряд? — Отец предсказуемо повернулся к Маше, сдвинув брови. — Опять смотришь свою бразильскую тягомтину, а уроки, поди, даже не делала!

Маша стиснула зубы, но встала с дивана и протянула отцу пульт. До выхода на работу оставался

час, и она так надеялась, что успеет досмотреть серию, пока отец дрыхнет, но надежды не оправдались. Именно поэтому Маша не любила те дни, когда у ее папы случались выходные. На правах взрослого он всегда выбирал, что именно будет идти по телику. Маша бы с удовольствием посмотрела «Фабрику звезд», реалити-шоу «Дом» или, еще лучше, «Голод», но отец не разделял ее вкусы. Разве что «Окна» с Нагиевым они смотрели вместе. Но это случалось нечасто.

Маша зашла в свою комнату, закрыла дверь изнутри на шпингалет, улеглась на кровать и принялась рассеянно рассматривать приколотые к бумажным обоям постеры. Некоторые из них были сильно помятыми. Несколько раз отец в воспитательных целях срывал постеры и швырял их на пол, но Маша крепила обратно. Парнишки из Five страдали чаще других, потому их измятые лица уже напоминали физиономии грешников с цветных листовок, которые христианские сектанты иногда совали в почтовые ящики. Но Маша не спешила выкидывать даже мятые постеры. Журналы она не покупала, откладывая деньги на свою мечту.

Как назло, на ум сразу пришел тот первый раз, когда одноклассница пригласила ее к себе в гости. Наташа жила только с мамой и бабушкой. Маша с тоской вспоминала то прекрасное женское царство. Изящный ремонт, подушки с оборками, комнатные растения, стенка, забитая любовными романами, стеклянные фигурки, хрустальные вазочки, коллекция львят и бегемотиков

из «Киндера», выставленная на одной из полок. Стопка журналов «Домашний очаг», «Лиза» и «Кавараван историй» на столике в гостиной. А у Наташи в комнате внушительная подборка Cool и Cool Girl, а также Oops!. Сплошная женская идиллия!

Трехкомнатная квартира, где жила Маша со своим папой, тоже когда-то была довольно приятной. Пока была жива бабуля, отец был более жизнерадостным, периодически белил потолки, проводил косметический ремонт в комнатах и не позволял себе курить нигде, кроме балкона. Но с тех пор прошло несколько лет. Их домашний уют постепенно рушился, как и отношения отца и дочери. Обои больше не меняли, потолок пожелтел от табачного дыма, а посуда покрылась паутиной трещинок. Маша купила новые стаканы и тарелки, но отец предпочитал пользоваться старыми и не позволял их выкинуть. Многие вещи были для него источником драгоценных воспоминаний о каком-то далеком прошлом, в котором, возможно, фигурировала ее мать — своенравная королева, если верить рассказам бабушки. Но Маша не понимала сентиментальную привязанность отца к старью; будь ее воля, она бы давно все отнесла на мусорку. Да и вообще переделала бы интерьер по-своему.

Каждый день Маша тщательно мыла полы, вытирала пыль и вообще старалась поддерживать чистоту. Но с грустью понимала, что, сколько ни вози тряпкой по старому линолеуму, сколько ни полируй облупившуюся мебель, лучше все равно не станет. Это вам не особняк из бразильских

сериалов. Летом Маша самостоятельно переклеила обои в своей комнате и сделала перестановку мебели. Но все равно дом недотягивал до ее представлений об идеальном интерьере. Свою односпальную кровать она застелила розовым пледом, выторгованным на барахолке, на письменном столе расставила игрушки и любимые книги, а лаковый шкаф облепила наклейками и вкладышами из жвачек. В гостиной тоже, в принципе, было терпимо. Там стояла мебельная стенка с посудой и книгами, пузатый телевизор, диван да скрипучее кресло. А вот спальня отца была довольно унылой. На прикроватной тумбе обычно дымилась вонючая пепельница. Из мебели — панцирная кровать и платяной шкаф, внутри которого могло скрываться что угодно, начиная от коллекции пионерских значков и заканчивая автомобильными запчастями, которые отец иногда приносил с работы, чтобы потом перепродать в гараже. Заглядывать в шкаф Маша не рисковала. Кухня и ванная были типичными для панельных многоэтажек — маленькими и неудобными. Недорогая плитка на стенах, голубой кухонный гарнитур, клеенка с фруктами на обеденном столе, которую Маша от скуки изрезала ножиком.

Если у тоски по прошлому и был дом, то именно такой, в каком жили Маша и ее папа. Порой ей сильно хотелось, чтобы отец женился на какой-нибудь заботливой женщине, которая пекла бы пироги, расставляла цветы в вазах и разделяла ее любовь к мыльным операм и моде. Но годы

шли, а Машин папа все сильнее идеализировал прошлое, двигаясь в настоящем лишь по инерции и доживая свой век подобно старому автомобилю «жигули», который вот-вот отправят в утиль. В начале девяностых у него был бизнес, красотка-жена, надежды и мечты. Но все это вмиг рассыпалось пеплом. Дело прогорело, жена ушла, машину пришлось продать из-за долгов. Он остался один, потерянный и сломленный, с маленькой дочкой на руках, о которой совсем не умел заботиться. И как-то резко, словно бы в один день, постарел. Поэтому Маше рано пришлось повзрослеть: с малых лет она привыкла рассчитывать лишь на себя и весьма в этом преуспела. Ее целеустремленности мог бы позавидовать даже Сильвестр Сталлоне, чью кандидатуру сотрудники киноиндустрии отвергали около полутора тысяч раз, прежде чем ему удалось продать сценарий своего легендарного фильма «Рокки».

Последнее время Маша все чаще думала над тем, как вернуть отцу вкус к жизни, и, кажется, придумала способ. Она мечтала купить им билеты в какую-нибудь страну, желательно в Америку, где они смогли бы начать все сначала. Возможно, если бы ее отец оказался как можно дальше от своих пыльных воспоминаний и разрушенных надежд, он бы взбодрился.

Когда Маша была маленькой, папа ездил с ней отдыхать в Болгарию. Она помнила, как горели его глаза, когда они гуляли по пляжу или рассматривали буклеты с экскурсиями. То путешествие излечило его, пусть и ненадолго. В мире так

много дорог, и обязательно найдется та, которая приведет ее отца к счастью. Главное, не буксовать и не останавливаться. А там, возможно, он и жену новую встретит, оживет. И у Маши наконец-то перестанет щемить в груди при виде несчастного отца. Но для путешествия нужны деньги.

Маша встала с кровати и открыла шкаф. Она привычно натянула джинсы и мягкий желтый свитер из ангорки. Кое-как уложив непослушную челку, покрасила ресницы синей тушью, а губы чуть тронула малиновым блеском. Не супер, но для работы в ларьке сойдет. Выходить из дома было рановато, но Маша решила, что лучше уж прогуляется по осенней аллее лишние пару кругов, чем будет сидеть дома. Тем более что уроки она давно сделала. Ее смена в «Курах гриль» началась в четыре часа дня и оканчивалась в десять: шестичасовой рабочий день, который она выторговала у своей суровой сменщицы тети Даши, давней подруги ее бабули.

Судя по звукам, доносившимся из гостиной, отец смотрел «Чистосердечное признание». Маша была искренне уверена, что сюжеты о криминальных происшествиях кого угодно могут довести до депрессии. Но отец так не считал, а вот мелодрамы и прочую романтику он ненавидел. Бабушка говорила, что мать Маши была жестокой и разбила ее отцу сердце, сбежав к другому. И Маша, хоть и не помнила маму, охотно этому верила. Разве добрая женщина бросит свою маленькую дочь? Мать никогда ей не звонила, даже в день рождения, она

вычеркнула Машу из своей жизни раз и навсегда. Жестокая — это еще мягко сказано.

Маша крикнула папе: «Пока!» — и, не дожидаясь ответа, вышла из квартиры. В лифте на нее опять накатила тоска. Прожженные кнопки, исписанные матом стены, страшный скрип, словно трос вот-вот оборвется... Если бы ее квартира не была на шестом этаже, она бы пользовалась только лестницей, но спускаться столько пролетов вниз тоже было страшновато. Мало ли кто притаился за мусоропроводом...

До работы было рукой подать, а потому Маша сперва добежала до остановки, чтобы купить у знакомой бабушки семечек. Всего за четыре рубля та всегда щедро насыпала полные карманы. Погуляв немного по сырым дорожкам в парке и продрогнув, Маша поспешила в «Куры гриль». Тетя Даша уже вовсю хлопотала, засовывая куриные тушки в рассол. Маша знала, что эти птички были далеко не первой свежести, да и маринад следовало бы уже поменять. Но хозяйкой здесь была не она, а потому молча делала то, что велит, в глубине души надеясь, что уксус, ядреные специи тети Даши и жар газовой печи уничтожат все бактерии и отобьют душок заветренного мяса.

— О! Машка, привет! — обрадовалась тетя Даша. — Я почти закончила. Смотри, что я тебе принесла почитать, чтобы не скучно было. «Книга воина света», это Коэльо. Здесь столько мудрости, что на всю жизнь тебе хватит! Мне подружка подарила, я за выходные прочла.

Маша с натянутой улыбкой взяла томик, которым потрясала тетя Даша, и раскрыла на случайной странице.

— «Жизнь — это безумие. Но великая мудрость воина заключается в том, чтобы верно выбрать себе безумие», — прочитала Маша под одобрительные кивки тети Даши, прилагая неимоверные усилия, чтобы не закатить глаза.

— Круто? — Тетя Даша сияла.

— Круто. — Маша закрыла книгу и положила на небольшой столик, кое-как втиснутый в их крохотный ларек. — А вы уже выбрали себе безумие?

— А то! Ты же видела моего Андрея! — засмеялась тетя Даша, хлопая Машу по спине. — Ну, я побегу. А то еще ужин готовить.

— Так курицу возьмите.

— Скажешь тоже! — Тетя Даша хитро прищурилась и погрозила ей пальцем, а Маша лишь пожалала плечами. — Все. Ушла! До завтра!

Дверь ларька захлопнулась, и Маша осталась одна в окружении маринованных и жареных куриц, которые чертовски ароматно пахли. В который раз Маша пожалела о том, что так хорошо знает всю «кухню» изнутри. Раньше она любила кур гриль, но теперь не стала бы их есть даже на грани голодной смерти.

Вечер тянулся нескончаемо долго, а покупателей можно было по пальцам пересчитать, и все как один были несносными.

— Это что, гриль или кремация? — недовольно спросил мужчина, тыкая пальцем в зажаренные